

Дойкина Ксения Юрьевна

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
kseniya.dojkina@mail.ru

Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах

Для цитирования: Дойкина К. Ю. Некоторые особенности системы энклитик, отраженной в полоцких грамотах. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2019, 16 (3): 400–419. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.305>

Статья посвящена системе энклитик в полоцких грамотах XIII–XVI вв. Грамоты написаны на русской мове, канцелярском языке Великого княжества Литовского. Было выяснено, что кроме древних частиц (*же, ли*), энклитических местоимений и связок перфекта энклитиками становятся частицы *деи, таки, пак*, о чем говорит не только вторая позиция во фразе, но и расположение в отношении других энклитик, а именно способность указанных частиц занимать место в уже сложившейся цепочке. Статусом энклитик в грамотах обладают и словоформы *быль, была, были* в составе плюсквам-перфекта. В работе также делается предположение о том, что полноударная форма местоимения Д. п. мн. ч. (*имѣ*) подвергается энклизе, что характерно для некоторых старорусских текстов и других славянских языков. В текстах на русской мове энклитики способны присоединяться к неоднословным актанным группам, что присуще некоторым современным славянским языкам. Особое внимание уделено энклитикам в составе первого и второго сослагательных наклонений. В составе первого типа форма *бы* — это энклитика, если находится в независимой клаузе, тогда как в целевых придаточных обнаруживается союз *бы*, занимающий позицию, нехарактерную для энклитик. В статье уточняются условия употребления второго сослагательного наклонения, которые связаны с дистрибуцией форм личных местоимений и связочных элементов (*есмь, еси* и т. д.) в качестве показателей лица и числа.

Ключевые слова: энклитики, цепочка энклитик, сослагательное наклонение, закон Вакернагеля, полоцкие грамоты.

Системы клитик в славянских языках изучаются давно и пристально. Множество работ посвящено рассмотрению клитик в разных аспектах (с точки зрения синтаксиса, просодии, морфемике): [Bošković 2001; Franks and King 2000; Schütze 1994; Progovac 1996; Wiemer 2010 и др.]. Самое полное описание славянских клитик в типологическом аспекте на русском языке принадлежит А. В. Циммерлингу [Циммерлинг 2013].

Приводимые работы (кроме последней) в основном содержат синхронное описание клитических систем. Что же касается диахронии, то с этой точки зрения интересна восточнославянская зона, так как она хорошо обеспечена памятниками письменности разных периодов начиная с древнейшего, которые демонстрируют

существенные изменения системы энклитик. Переход от древнерусского состояния к русскому описал А. А. Зализняк [Зализняк 2008], опираясь на ранние, XII–XIII вв., и поздние тексты XIV–XVI вв.

Данная статья посвящена некоторым особенностям системы энклитик в полоцких грамотах, изданных под ред. А. Хорошкевич [Полоцкие грамоты 2015]. Корпус текстов состоит из 483 грамот, из которых 28 текстов написаны на диалектах немецкого языка и 14 — на латыни (они не учитываются). В содержательном плане грамоты представляют собой деловые письма и послания. Корпус содержит жалованные грамоты (подтверждали княжеское согласие на частные сделки), договоры между городами, обращения к городскому совету с просьбой разрешить конфликты, т. е. своего рода челобитные. В связи с тем, что речь идет о деловых документах, все они имеют формульное обрамление, однако последний из указанных жанров интересен тем, что включает пространный пересказ ситуаций, записанный со слов участника спора, т. е. грамоты отражают черты живой речи.

С XIV в. Полоцк входит в состав Великого княжества Литовского (далее ВКЛ). Следовательно, все делопроизводство в Полоцке и прилегающих территориях велось на русской мове, канцелярском языке. С. Ю. Темчин пишет, что с XIV в. в рамках деловой письменности происходит насыщение древнерусской языковой основы местными орфографическими и грамматическими чертами [Темчинас 2012]. Х. Станг, которому принадлежит работа о языке полоцких грамот, указывает на такие фонетические особенности, как фрикативное *z*, переход *вѣ-* > *у-*; отверждение губных в конце слова, распространение флексии *-у* в Род. ед. ч. существительных м. р. с основой на *-ѣ-*, формы местоимения *тотъ: тыми, тые* [Stang 1935: 63–114]. Классическим периодом русской мовы считается период XVI в., когда завершилось его формирование [Там же: 52]. В. Мякишев, описывая дальнейшее развитие языка ВКЛ, отмечает, что языковая ориентация на местные наречия очень скоро сменилась «равнением на польские образцы», происходит это с XVI в. [Miakiszew 2008: 28]. Однако это осуществлялось не всегда: В. Ушинскене, исследуя судебные книги, утверждает, что руська мова «сохраняет лидирующие позиции» вплоть до XVII в. [Ушинскене 2018], т. е. время перехода на польский язык во многом зависело от жанра.

Учитывая эти факты, вернемся к корпусу полоцких грамот и сделаем замечания, важные для дальнейшего изложения. Во-первых, бóльшая часть грамот (начиная с № 133 из 483) датируются второй половиной XV в. и самым началом XVI в.¹, т. е. в основном мы имеем дело с периодом работы полоцких писцов, по мнению Х. Станга. Б. А. Успенский отмечает, что язык актов (к которым как раз относятся полоцкие грамоты) в большой степени отражает диалектные черты, «доходя почти до транскрипции... живых форм речи» [Успенский 1983: 69.]. Во-вторых, тесный контакт с Польшей и дальнейшее сосуществование двух языков (русской мовы и польского) в качестве канцелярских языков [Ушинскене 2018] могли повлиять на синтаксис грамот.

Таким образом, встает вопрос: что собой представляет система энклитик, отраженная в полоцких грамотах? Сходна ли она с позднедревнерусской системой

¹ Большинство грамот приводится по спискам. Ниже, где это необходимо, подлинники и списки разграничены.

или развивалась другим путем под влиянием западнославянских языков, в первую очередь польского?

Второй важный аспект при рассмотрении системы энклитик — это время создания грамот. Если мы принимаем тот факт, что язык полоцких грамот близок к старобелорусскому, то интересно посмотреть, какой набор энклитик представлен в текстах, так как на другой части восточнославянской территории в XV–XVI вв. происходили динамичные процессы утраты и появления новых энклитик [Зализняк 2008]. Этот период соответствует времени создания полоцких грамот.

Описывая полоцкую систему клитик, мы коснемся двух основных моментов: состава энклитик и расположения их во фразе, а также отметим ряд других особенностей (энклитики в составе сослагательного наклонения).

Прежде чем перейти непосредственно к материалу, кратко охарактеризуем системы энклитик в славянских языках и опишем древнерусскую систему энклитик, к которой будем обращаться по ходу данной статьи. Энклитиками² в славянских языках считаются частицы, относящиеся к сказуемому, энклитические формы личных местоимений, показатель возвратности, связочные элементы в составе кондиционала, перфекта, плюсквамперфекта, сложного будущего времени. Клитики объединяются в кластеры (цепочки), внутри которых упорядочиваются в соответствии с правилом рангов: каждая клитика занимает строго определенное место. Каждый язык имеет свой порядок рангов. Считалось, что клитики в славянских языках подчиняются закону Вакернагеля, т. е. располагаются после первой тактовой группы клаузы. Эта теория имела как своих приверженцев, так и своих противников, о чем пишет А. В. Циммерлинг в [Циммерлинг 2012]. Заслуга А. В. Циммерлинга состоит в том, что он классифицировал славянские языки по типам порядка слов. Языки делятся на W, W+, W* и C-системы, где W значит “Word” или “Wackernagel”. К W-системам относятся языки со стандартной реализацией закона Вакернагеля (сербохорватский, словенский, русинский, чешский, словацкий, древненовгородский диалект, говор с. Синеvir); W+-система имеет ограничения на постановку клитик и расположения глагола (болгарский и македонский языки), в W*-системах закон Вакернагеля действует, но не в полном объеме: кластеризуемые частицы занимают вторую позицию клаузы, связки перфекта стремятся примкнуть к глаголу, тогда как местоименные клитики могут располагаться как с частицами, так и со связками (древнерусский язык южных памятников, польский язык); C-системы не имеют кластеризуемых клитик (русский, украинский, белорусский) [Zimmerling and Kosta 2013].

Методологию диахронического описания энклитик на материале исторических текстов разработал А. А. Зализняк [Зализняк 2008]. Древнерусские энклитики подчинялись закону Вакернагеля, некоторые кажущиеся отклонения от него объясняются действием ритмико-синтаксических барьеров: начало клаузы может быть отчленено своего рода паузой, далее энклитики располагаются так, будто начальной составляющей не существовало [Там же: 48]. В стандартном древнерусском языке набор энклитик был следующий: 1) *же*; 2) *ли*; 3) *бо*; 4) *ти*; 5) *бы*; 6) местоименные энклитики Д. пад.; 7) местоименные энклитики В. п (включая *ся*); 8) связки перфекта. Стоит заметить, что такой состав энклитик формировался по-

² Энклитиками мы называем синтаксические энклитики, т. е. элементы, занимающие специфические позиции для клитик, недоступные для полноударных форм [Циммерлинг 2013: 297].

степенно: в цепочке представлены как более старые энклитики (*же, ли, бо*), так и совсем «молодые»: связки перфекта, например; это отражено и в порядке следования энклитик в кластере [Там же: 47]. Со временем ситуация менялась: энклитики утрачивались, но в то же время появлялись и новые. А. А. Зализняк рассматривает такие новые формы: словоформы *быль, была, были* в составе плюсквамперфекта, частицу *нъ* (но), частицу *дѣи*, формы *реку, рече, рѣци*, частицы *ка, ведь, таки* [Там же: 39–47]. А. В. Циммерлинг, основываясь на расположении во фразе форм *буду, будеши, будутъ* в составе второго будущего времени, считает, что они также были клитиками [Циммерлинг 2013: 344], кроме того, по данным более поздних текстов, он предполагает клитизацию полноударных форм местоимений *И. пад., Д. пад., В. пад.* [Циммерлинг 2017].

Состав энклитик в полоцких грамотах

В полоцких грамотах представлен следующий набор энклитик: энклитика *же*: а *ведь ж(е) сами ваша м(и)л(о)сть въдаете* (№ 191, 1470); энклитика *ли*: *росмотрите, добро ль то будет(ь)* (№ 101, 1440); энклитика *бы*: а *сесь бы ч(о)л(о)в(е)къ правыи не гибль* (№ 66, 1420); энклитики мест. Д. п.: а *всакому ми делу исправа ему чинити* (№ 16, 1387); энклитики мест. В. п.: *безвиннѣ мя сковали и до Риги послали* (№ 238, 1480); связки перфекта: а *нынѣ есмь оувѣдалъ любовь ваша* (№ 3, 1385).

Частица *бо* встретилась единожды, но в библейской цитате: в *нуже бо мѣроу мѣрите, възмѣритса вамъ* (№ 385), в прочих случаях *бо* выступает в качестве союза-проклитики.

Широко в грамотах распространена новая энклитика *деи*³, что, по-видимому, связано с самим жанром данных документов, где участники часто прибегают к передаче чужой речи. М. Лазар, описывая данную частицу в не книжных текстах, выделяет два типа *деи*: *деи*₁ вводит прямую речь, располагаясь после слов автора, *деи*₂ (тема-рематическая) используется в авторской речи и служит для стилизации литературных текстов или тема-рематического сегментирования фразы [Лазар 2011]. В полоцких грамотах распространен первый тип: обычно частица (часто в комплексе с местоимением или союзом) стоит в начале зависимой клаузы с прямой речью и далее употребляется при каждом из сказуемых. Классические примеры употребления частицы таковы: *што жѣ, деи, коли пожадаемъ помочи з места Полоцъкого для потребизны земское, и боаре, деи, намъ в томъ вельми мало помагають* (№ 85, 1440) (комплекс с союзом); *жаловал нам мѣщанин полоцкии Шникеи Селецкии на не|чина вашего на Радивона. Виноват, деи, был тому Радивону смолянниъ Куприаниович берковескъ воску. И тот, деи, смолянъ шттослал тому Родивону берковескъ воску моим сыном, и мои, деи, сын штдал тот воскъ тому Радивону перед добрыми людми.* (№ 164, 1464). М. Лазар пишет, что прямая речь вводится в московских текстах с помощью комбинаций *что де*, а в русской мове с помощью *что же*. В исследуемых грамотах существует также контаминированный вариант (28 случаев употребления) *што же деи*: *што жѣ, деи, коли пожадаемъ помочи з места Полоцъкого для потребизны земское, и боаре, деи, намъ в томъ вельми мало помагають* (№ 85, 1440); а *поведал намъ, што жѣ, деи, тот Мякало ч(о)*

³ Данная частица восходит к глагольной форме *дѣи* «говорит» [Зализняк 2008: 43].

л(о)в(е)къ служебнии путныи... з сынми своими не делилса. (№ 210, 1475). Отметим также, что данная частица появляется уже в текстах конца XIV в. Во всех обнаруженных случаях энклитика **деи** занимает строгую вакернагелевскую позицию: *ижъ деи предок их Трухон Болото ещо за великого кн(а)зя Витовта купилъ село на има Улино* (№ 26, 1393), *штхода сего свѣта, шписал деи тую землю бортную* (№ 136, 1452–1476). Стоит также обратить внимание на такие примеры, как и *тот деи смолнанъ шттослал тому Родивону берковескъ* (№ 164, 1464), и *мои деи сын штдал тот воскъ* (№ 164, 1464), где энклитика разрывает актантную группу.

Чтобы определить место энклитики **деи** в цепочке, рассмотрим следующие случаи (приводятся все случаи кластеризации без учета случаев разделения цепочки энклитик): *и того ми деи попелу и до сих часовъ не заплаить* (№ 348, 1498), и *переднал ма деи стома лаиты попелу* (№ 348, 1498), и *иные са деи розно шт них проч(ь) розышли*. (№ 86, 1440), а *слюбил дѣи был ему за тот товаръ сол(ь) же прислати* (№ 166, 1464), *торговали дѣи есмо з немцом* (№ 184, 1468). Из данных примеров следует, что частица **деи** располагалась после местоименных энклитик, но опережала глагольные, однако обнаружился один случай, где **деи** становится левее местоименного блока: *Жаловаль Степанъ, ... што жъ деи ми многии кривды и шкоды шт него и шт слуг его сталиса* (№ 418, 1507). Выше говорилось, что один из способ передачи прямой речи — это сочетание **что же деи**, которое не стоит рассматривать как полное сращение, так как союз употребляется и без частицы: *и людники выговорили, што же Пантелеи нальса Петру за добрыне селедьци* (№ 61, 1409–1411), *поведил перед нами, што ж воевода... спустил ему куплю свою* (№ 453, 1510). Значит, в грамоте (№ 418) порядок слов таков: союз, частица и энклитическое местоимение. Ценность этого примера заключается в том, что местоименные энклитики в не книжных памятниках к XVI в. практически утратились [Зализняк 2008: 163], поэтому пример из грамоты (№ 418) — это хорошая демонстрация нового порядка энклитик в пределах древней цепочки⁴.

Чтобы объяснить это, следует учесть данные более поздних памятников. А. А. Зализняк приводит пример из владимирских памятников деловой письменности XVII в., где частица **деи** располагается раньше, чем энклитика **ся**, и заключает, что **деи** находилось между пятым и шестым или шестым и седьмым рангами [Зализняк 2008: 44]. А. В. Циммерлинг, исследуя слабоударные формы в текстах XV–XVIII вв., относит частицу к 4-му рангу по своей системе⁵ [Циммерлинг 2017]. Перемещение **деи** отсылает нас к проблеме принципа формирования правила рангов. А. А. Зализняк предполагает, что порядок энклитик в цепочке обусловлен временем их появления: древние энклитики в начале, новые — в конце (так называемый исторический принцип), однако подчеркивается, что такой принцип носит не абсолютный характер (это видно на примере энклитик **бы, деи, реку**) [Зализняк 2008: 47]. А. В. Циммерлинг, основываясь на материале современных славянских языков, предлагает категориальный принцип: кластеризуемые элементы группируются в соответствии с их морфосинтаксической категорией [Zimmerling 2012]. Общее правило включает в себя оба принципа и формулируется так: исторический принцип обуславливает расширение, перестройку правила рангов, однако веду-

⁴ В старорусском подкорпусе Национального корпуса русского языка нахождения в кластере местоименных энклитик и частицы **деи** не фиксируется (ruscorpora.ru).

⁵ Предлагаются следующие ранги: *ли/же, бо, бы, де, таки, /ся, есмь/был*.

щую роль играет категориальный принцип [Циммерлинг 2013: 335]. Думается, что изначально, будучи новой энклитикой, **деи** располагалась ближе к концу цепочки, что соответствует историческому принципу. Однако блок частиц был в самом начале кластера, и продвижение **деи** влево можно объяснить стремлением занять соответствующее статусу частицы место.

Таким образом, **деи** регулярно ведет себя как вакернагелевская энклитика⁶.

Обратим внимание на положение частицы **пакъ**⁷ (26 употреблений, исключая сочетания **пак ли**): важно рассмотреть ее позицию относительно других энклитик (в том числе и **деи**) и позицию во фразе. В грамотах было обнаружено три примера, где частицы **деи** и **пакъ** оказываются в одной цепочке. В двух случаях **пакъ** располагается левее **деи**, что свидетельствует об энклитической природе частицы **пакъ**:

Вы пакъ деи еще воскъ ихъ колупаете и печать свою ризскую къ ихъ воску прикладаете. (№ 150, 1461), И ныне пак деи тот Радивон на том смолнанине таки правит(ь) (№ 164, 1464).

В примере из грамоты № 124 встречается полноударное наречие времени: **ино деи пак**, *оу Невгини поймавшие, попроварили деи к вам оу Ригу (№ 124, 1447–1459)*. Что касается случаев, где **пакъ** находится в кластере с другими энклитиками, то их мало (три примера). Поэтому точное ее место в цепочке установить трудно. Материал показывает следующие кластеры из двух элементов, и во всех из них **пакъ** не начинает цепочку: и *мы са пакъ вамъ молимъ (№ 68, 1430), не въсхочете ль пак нашим безъч[ес]тъа заплатити (№ 107, 1444), дастъ ли пак кн(я)зь ваш мештеръ купцом полочаном за море пут(ь) ч(и)стъ (№ 118, 1446)*.

Прочие примеры с **пакъ** указывают на то, что в текстах она всегда располагается на втором месте в клаузе: *мы пак тогда весь вашъ товаръ штпустимъ (№ 57, 1409), а кол(и) пак будутъ наши люд(и) в нас (№ 57, 1409), тыми пакъ разы тьи са люди шт них штнимають (№ 86а, 1440), и шнъ пак не хочеть ему н(ы)нть штдати записи его назадъ (№ 106, 1443)*.

Еще одна «молодая» энклитика, встретившаяся в полоцких грамотах, — это энклитика **таки**, которая в первый раз появляется в грамоте середины XV в. Важно отметить, что в качестве энклитики данная словоформа выступает в том случае, если это частица: тогда она занимает вторую позицию в клаузе: и *мы таки по первому н(а)шому данью тые люди Сен(ь)ку... дали по тому ж, какъ шн держал (№ 82, 1440–1476); ино таки на тот листъ ему не заплачен(о) (№ 183, 1466), а всхочете таки на тот рок на оумовленое мьстце быти (№ 200, 1471), и вы таки на наш листъ товару его не казали върнути (№ 264, 1486)*.

Более того, частица **таки** может встраиваться в уже существующую цепочку энклитик: *Ино мы, выслухавши того листа купчого, при томъ таки есмо его зоставили и потвержаемъ то симъ нашимъ листом вечне ему (№ 421, 1507)*.

В том случае, если **таки** является наречием со значением «всегда» [ГСБМ 2013: 181], оно не подчиняется закону Вакернагеля: а *сами шни таки и з люд(ь)ми своими мают(ь) пры|слухати к маитъборьскому праву (№ 367, 1500), тьи села и земли*

⁶ Заметим, что маркер чужой речи ведет себя как клитика не только в славянских языках (чеш. *údajně, grý*), но и в других европейских (*ит. dico*) [Wiemer 2010].

⁷ Кроме наречия **пакы** (**пакъ**) существовала и частица **пакъ**, что фиксируется в Словаре старобелорусского языка XI–XVII вв. [ГСБМ 2003: 393].

таки имь держати (№ 367, 1500), *што жь бы тыи люди таки не под владычынымь прысудомь были и в прыгонь николи не хоживали* (№ 380, 1502).

Словоформы *быль, была, были, было* в составе плюсквамперфекта в древнерусском языке являлись энклитиками [Циммерлинг 2013: 489–492], однако в некоторых контекстах они ведут себя как полноударные формы [Зализняк 2008: 39–40]. Д. В. Сичинава подробно проследил эволюцию этих форм в ходе развития русского языка с точки зрения их позиции во фразе и семантики, чему посвящен ряд его работ. В XVII в. в великорусских говорах элемент *был-* в составе плюсквамперфекта превращается в частицу *было* [Сичинава 2016], в новом статусе в текстах XVIII в. она продолжает подчиняться вакернагелевскому закону с некоторым количеством отклонений [Сичинава 2014]. М. Н. Толстая, изучая закарпатские говоры, приходит к выводу, что данные словоформы имеют статус синтаксических энклитик [Толстая 2000]. Что касается статуса словоформ *быль, была* в полоцких грамотах, то этот вопрос нуждается в отдельном подробном рассмотрении, поэтому в данной статье мы сделаем лишь небольшое замечание, поскольку полный анализ должен быть темой отдельной работы. В значительной части контекстов они располагаются после предполагаемого факультативного барьера (своего рода паузы, подробнее об этом будет сказано в следующем разделе) и становятся в постпозицию относительно глагола: *што ваш немьчинь Смолбьх Ганусь // имьль был намь исправити звонь и(е)ркиви Б(о)жиеи* (№ 21, 1391–1430), *што ж там в Ризь // дал был кона своего наствити* (№ 129, 1447), и *на тои купли своеи // справил был дворец* (№ 344, 1497).

Примеры, где *был* находится в классической для энклитики второй позиции, тоже есть, причем в грамотах (№ 112 и 467) *был* образует цепочку с возвратной энклитикой *ся*: *Пань былъ ему гнѣва штпустилъ* (№ 110а, 1444–1459), *што са был ему записал* (№ 112, 1444), а *шн был имь в томь силу вчинилъ и новину увель* (№ 359, 1499), *коли са были ушачане перед нами правомь в него штнали* (№ 467, 1511).

Рассматриваемые словоформы могут располагаться после тяжелой группы⁸. Как показывает материал, такое расположение энклитик было в данных текстах допустимо: *и его м(и)л(о)сть был то им штложил*. (№ 343, 1497), *што ж какь перво сего // замок нашъ Полтескъ был згорел* (№ 359, 1499).

Таким образом, мы склонны полагать, что *был* в грамотах — это энклитика. В связи с этим интересным представляется такой порядок слов, где полноударная форма местоимения оказывается перед *был*: *а рок имь был его м(и)л(о)сть положил* (№ 343, 1497), *И его м(и)л(о)стьна их чоломьбитье з ласки своее // то им был вчинил дозволил им тые реки...* (№ 343, 1497), и *новину им был увел* (№ 359, 1499).

Впрочем, возможно, что здесь мы имеем дело с еще одной новой энклитической формой, возникшей в результате клитизации полноударной формы. Такой процесс наблюдается и в других славянских языках: например, в сербском старые полноударные формы *нам, вам* стали энклитиками и встроились в цепочку [Толстая 1991]. А. А. Зализняк для древнерусского языка также приводит примеры, где полноударные формы местоимений предшествуют связке, и отмечает, что такая просодическая инновация могла существовать [Зализняк 2008: 168]. Об этом пишет и А. В. Циммерлинг, опираясь на более поздние тексты [Циммерлинг 2017].

⁸ Неодночленная (тяжелая) актантная группа — группа, содержащая более одного фонетического слова [Зализняк 2008: 16].

Итак, состав энклитик в грамотах таков: частицы *же, ли, бы, деи, таки, пакъ*; местоименные энклитики ед. ч., Д. пад. (*ми*) и В. п. (*мя*), мн. ч. Д. пад. (*имѣ*), связки перфекта (*есмь, еси, есмо, есте*), словоформы *быль, была, были* в составе плюсквамперфекта.

К вопросу о расположении энклитик во фразе

Закон Вакернагеля формулируется следующим образом: энклитики располагаются после первой тактовой группы клаузы (фонетического слова): и *много са зла створи* (Новгородская I Летопись, 1136), *такого ти веремени иногда не боудеть* (Киевская летопись, 1193). Правило действовало строго, исключением были лишь те случаи, где в клаузе появлялись ритмико-синтаксические барьеры. Ритмико-синтаксические барьеры (далее — барьеры) соответствуют паузам, которые делает говорящий или пишущий. Обязательные барьеры возникают после вводного обращения и перед не первым инфинитивом в ряду подчиненных, полуобязательные — после вклиненных инородных групп, факультативные могут отделять тему высказывания или обстоятельственную группу. Основное правило, связанное с барьерами, таково: «ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы» [Зализняк 2008: 49]. Действие барьеров можно проиллюстрировать следующей фразой: и *для того // даль ми и записал по своей доброй воли дел(ь)ницы* (№ 382, 1503) (*ми* — это чистая вакернагелевская энклитика, поэтому наличие барьера здесь весьма вероятно).

Бывают, однако, и такие случаи, когда наличие барьера предположить нельзя. Это во многом касается расположения энклитики сразу после тяжелой актантной группы (состоящей из двух и более фонетических слов). А. А. Зализняк подробно разбирает такие примеры и отмечает следующие особенности. Во-первых, большинство фиксируемых примеров встречается в старославянских текстах и древнерусских памятниках книжного характера, где расположение энклитик может не соответствовать закону Вакернагеля из-за принципа пословного чтения. Во-вторых, некоторые примеры из собственно древнерусских текстов (их крайне мало) можно считать ошибкой переписчика [Там же: 78–82].

Ситуация, с которой мы сталкиваемся в полоцких грамотах, достаточно необычна в отношении того, о чем было сказано выше. Положение энклитики после неодночленной группы нередко. Рассмотрим такие примеры (буквой С обозначаются списки, буквой П — подлинники):

и за того с(вя)щ(е)нника бы ваша м(и)л(о)сть стоали (№ 254, 1483, П); *если мне тамъ // какая щкода са станет(ь)* (№ 194, 1485 П); и *на тот рок са съедем* (№ 200, 1471, П); *въ тую землю са были вввазали* (№ 468, 1511, С XVI–XVII); и *того Мартинца есмо шправили и приказали есмо Богдану Штафѣвичу* (№ 2616, 1485, С XVI–XVII); а *тое сел(ь)цо Дерницы // в тых людех еси купишь* (№ 431а, 1508, С XVI–XVII); я, *кн(А)г(и)на и свою тьчатъ еси приложила* (№ 452, 1509, П).

Как мы видим, от ранга клитик такое расположение энклитик не зависит: это касается как энклитик пятого ранга, так и энклитик восьмого ранга. Неоднозначным можно считать такой пример: и *потомъ // тыи селца был еси вамъ напративку того дал* (№ 431а, 1508). А. А. Зализняк, рассматривая подобные примеры,

считает, что так как **быль** находится после неодночленной актантной группы, то можно предполагать, что оно может быть полноударной формой, и тогда никаких нарушений закона Вакернагеля нет [Зализняк 2008: 40]. Мы же склонны предполагать, что словоформа **быль** в полоцких грамотах является энклитикой (речь об этом шла в предыдущей части) и данный пример аналогичен тем, что приведены выше.

Часть примеров с нестандартным расположением энклитик встречается в списках, датируемых концом XVI — началом XVII в. Однако отмечается это явление и в подлинниках, что не позволяет думать о том, что перед нами ошибки поздних переписчиков, во времена работы которых прежняя система могла не существовать.

В связи с тем, что полоцкие грамоты вряд ли могли подвергаться влиянию книжного языка, одно из объяснений, которое можно было бы предложить, — это просодическое объединение членов тяжелой группы. Стоит заметить, что большинство примеров, где актантная группа не была нарушена энклитикой, включают в себя местоимения (**тотъ, свои, какои**). Подобные примеры приводит А. А. Зализняк, исследуя явление просодического объединения [Там же: 79]. Однако есть еще один пример, который трудно объяснить объединением из-за количества членов группы: *тыи имениа его в Полоцкомъ повете, выслугу и куплю его // пану Ивану Сопезе есмо присудили* (№ 464а, 1511).

Стоит также отметить и то, что все обнаруженные примеры — поздние, они относятся к второй половине XV — началу XVI в. По-видимому, это один из результатов эволюции систем энклитик. Е. А. Валова, изучая позицию энклитики **же** (фразового **же** в терминах Зализняка) в современном русском языке, пишет, что, по данным Национального корпуса русского языка, **же** продолжает следовать закону Вакернагеля. Однако она отмечает ослабление действия данного правила во фразах с тяжелыми актантными группами [Валова 2016], где энклитики не разрывают группы, а становятся сразу после них.

Согласно закону Вакернагеля в древнерусском языке энклитики не должны были располагаться не только после тяжелых групп, но и после проклитик⁹. Если проклитики все же начинают клаузу и за ними следует цепочка энклитик, то проклитики берут на себя роль базиса и возникают проклитико-энклитические комплексы, к которым, в свою очередь, могут присоединяться другие энклитики: *не бо еси даль*. В дальнейшем, как правило, эти комплексы развивают свое собственное значение: *да+же=даже*, *да+бы=дабы*. Подробный список проклитико-энклитических комплексов древнерусского языка указан в [Зализняк 2008: 76–77].

В полоцких грамотах встретилось несколько случаев, которые, на наш взгляд, нуждаются в комментарии.

Мы не видали Адама шт тых дву меховъ соли вѣсчог(о) даюч(и) а ни перед суд(ь)ями ш том справы даючи а ни есмо ему велели у право уступатъ (№ 238, 1480). Здесь связка перфекта располагается после союза **ани** (зафиксирован в словаре старобелорусского языка [ГСБМ 1982: 116]), образованного из двух проклитик **а** и **ни**. Связки перфекта в полоцких грамотах были энклитиками: они не начинали клаузы и располагались согласно закону Вакернагеля. Странно было бы думать, что лишь в примере из грамоты (№ 238) форма **есмо** ведет себя как полноударная. Кроме того, в текстах на старобелорусском языке после союза **ани** (*ань*) могут помещаться дру-

⁹ После проклитик-предлогов могли находиться местоименные энклитики В. пад., что свидетельствует об их прежней полноударности [Зализняк 2008: 36].

гие энклитики: *Перед тым(ъ) Паномъ грѣхы наши покажьмо, котории не зазритъ, антъ¹⁰ ся насмеваеть* (Калист I, л. 96, приводится по [Там же]).

Другие случаи связаны с союзом **бо**. Дело в том, что в древнерусском языке существовала частица **бо** — энклитика, которая занимала 3-й ранг в цепочке, более того, встречалась она только в книжных текстах. В текстах на русьской мове имелся союз **бо**, который был проклитикой.

а перед тым, деи, перевозники даром воживали, бо деи перевозники с того некоторые плат берут(ъ) по волостех (№ 354, 1499); вже тые выше писаныи державъцы наши не мають в тые дела духовные вступатися, бо есмо приказали архъепископу Луце судити (№ 379, 1502).

В обоих приведенных примерах энклитики следуют сразу после проклитического **бо**. Для сравнения приведем еще одну фразу: *абы в тую борть не вступоватися, што нам дал господин наш владыка полоцкий Иона, бо то есмо вradiли и записали.* (№ 249, 1482).

В данном случае также есть проклитика и энклитика, но порядок их расположения стандартный, так как они окружают акцентно самостоятельную словоформу.

Таким образом, в полоцких грамотах мы сталкиваемся с тем, что возможно положение энклитик после неодночленной группы и после проклитик. Обратим внимание, что близкая ситуация наблюдается в других славянских языках.

А. В. Циммерлинг, анализируя порядок слов языков славянской группы, в которых сохранились системы клитик, указывает на следующие возможные начальные составляющие, к которым могут присоединяться цепочки: а) первая ударная словоформа; б) первая полная составляющая; в) начальная проклитика; г) подчинительный союз; д) фраза-цитата; е) сентенциальная составляющая, не являющаяся цитатой. Длина первой полной составляющей в современных славянских языках варьируется. Циммерлинг отмечает, что в сербохорватском языке допустимы три ударных слова перед энклитиками, в чешском — пять (при условии, что они принадлежат одной группе), в верхнелужицком — шесть [Циммерлинг 2013: 355–384]. С точки зрения диахронии интересен сербохорватский язык: в работах, посвященных ранним [Павлович 2011] и более поздним [Толстая 1991] старосербским грамотам, среди примеров отсутствуют такие, где бы энклитики следовали за неоднословной группой, однако, возможно, что это обусловлено контекстами, в которых нет начальных тяжелых групп или они отделяются барьером.

Постановка энклитик после союзов-проклитик возможна в словенском языке [Циммерлинг 2013: 355–384]. М. Н. Толстая, исследуя карпатоукраинские говоры, отмечает, что в ужанских и гуцульских говорах энклитики также могут располагаться после проклитических союзов [Толстая 2012].

Энклитики в составе сослагательного наклонения

В древнерусском языке существовало две формы сослагательного наклонения. Первый тип состоял из аориста глагола **быти** и л-причастия (*то бы дали нашему*

¹⁰ В [ГСБМ 1982: 116] союзы **ане** и **ани** приводятся в одной словарной статье.

попу Ивану (№ 102)). Второй вариант был характерен для форм 2-го лица, включал частицу **бы**, личную форму глагола **быти** настоящего времени (связку **еси** и **есте**) и л-причастие (*да намъ бы есте тымъ же штиписали* (№ 110)). А. А. Зализняк отмечает, что в новгородских грамотах форма со связкой появляется в позднерусский период (с XIV в.) [Зализняк 2004: 143].

В полоцких грамотах употребление двух вариантов сослагательного наклонения широко распространено. Это касается и зависимых, и независимых клауз. Одна из особенностей зависимых клауз состоит в том, что в них встречаются случаи сохранения спрягаемых форм аориста глагола **быти** (в издании сочетания союзов (**што**, **аже** и т. д.) и форм аориста пишутся слитно, однако неизвестно, произошло ли между ними полное сращение, поэтому мы даем примеры с отдельным написанием):

и звал ма еси сказъцою панъству з(о)с(по)д(а)ръскому, ажъ бых а посулы собе брал (№ 418, 1507), *пишьте до нас... што быхомъ мы на шподинь нашем... выправили листъ* (№ 207, 1475), *А нынъ абысте пустили жито оу Полотеско А азъ кланяюся и благославаю* (№ 3, 1299).

Стоит отметить, что появляется новый вариант форм 1 л., мн. ч. **быхмо**. А. И. Журавский считает, что эта форма — результат контаминации белорусского окончания **-омъ** и польского окончания **-ту** [Жураўскі 1988: 231]. Однако более убедительным кажется, что эта форма образована под влиянием польского кондицианала: частица **by** + показатель лица и числа (**by-śmy**) [Вимер 2015]:

просить нас, быхмо к ваишъи м(и)л(о)сти послали рожъ, ино ради быхмо к вам послали (№ 248, 1482); *И били намъ чоломъ, абыхмо вчинили по старому, приказали быхмо тебе, абы [так!] абы ты розказывал город Полътескъ рубити* (№ 209, 1475).

Вариант с застывшей частицей **бы** встречается во всех типах типах клауз:

И вы бы ихъ про то казнили по ихъ делом. (№ 107, 1444–1459), *а его ж, Б(о)же оуховаи, хотя б межи землами и валка была, а купцом путь чистъ на шбе сторонь* (№ 267, 1487), *Аж бы ся што и промежи земль пригодило* (№ 240, 1480).

Второе сослагательное наклонение также употребляется в разных типах фраз:

а иных бы есте шт того оушували, штобы и потом оу нас оу Лоцку корчмы не д(е) ржали. (№ 107, 1444–1459); *просим вас, ижбы естъ велели тог(о) кона заплатити* (№ 129, 1447–1459), *про то, што бы есте всим тым делом суд и право дали* (№ 271а, 1491).

При такой ситуации встает вопрос: каково распределение этих типов сослагательного наклонения? На наш взгляд, особую роль здесь играет связка в составе второго кондиционала, и для начала сделаем небольшое отступление.

Вспомним о судьбе связки настоящего времени в составе перфекта. А. А. Зализняк доказал, что в не книжных текстах эти формы являются энклитиками. Подобно местоименным клитикам, связки имели свой полноударный вариант — личные местоимения (например, **есмь** (**есми**) — **язъ**, **еси** — **ты** и т. д.), которые являются показателем лица и числа. Когда система энклитик разрушилась, полноударные

формы полностью вытеснили связи, однако на раннем этапе существования системы энклитик личные местоимения употреблялись только в определенных случаях, оговоренных А. А. Зализняком: подлежащее несет на себе эмфазу; подлежащее противопоставляется подлежащему предшествующей клаузы; подлежащее входит в состав сочинительной группы; во фразах с обращением, где сказуемое стоит во 2-м лице и имеет при себе обращение и т. д. Факультативно местоимения употребляются, если подлежащее противопоставляется подлежащему последующей клаузы; если подлежащее имеет при себе определение или приложение и т. д. [Зализняк 2008: 241–245]. Стоит еще раз подчеркнуть, что употребление личных местоимений всегда было маркировано.

Полоцкие грамоты, оригиналы которых принадлежат к XIII–XVI вв., в определенной степени сохраняют тенденцию к использованию связок как показателя лица и числа: *а нынѣ есмь оувѣдалъ любовь ваша* (№ 3, 1299–1308), *А и борть есмо дали Ивану на Вшачы* (№ 98, 1440), *Изде как приѣхал есмь оу Полотескъ* (№ 118, 1446), *Продали есмо свои земли* (№ 416, 1507).

При смене подлежащего обычно появляется личное местоимение (см. правила выше), далее, если субъект не меняется, используется связка:

(и тот Угрим спустил был без нашего дозволен(в)я тое сел(в)цо за долгъ боярину смоленскому Богдану Григор(в)евичу.) И мы тое сел(в)цо Багриновское на насъ взяли и дали есмо Ивашку Сопезе (№ 344, 1497); Ино князь Иванъ, зрадивши насъ, и къ Москве втекъ. И мы тотъ его дворъ взяли на насъ и дали есмо тотъ двор Мильковичи Юхъну (№ 376, 1501).

Посмотрим теперь на случаи употребления двух типов сослагательного наклонения (с застывшим **бы** и формами второго сослагательного наклонения) в пределах одного отрезка:

И вы бы и в том кн(я)зю своему мещерю говорили. А к нам бы есте штписали против нашей грамоты (№ 118, 1446); И вы бы ихъ шт владыки и штъ инъшихъ шт кривдѣ боронили и не дали бы есте владыце а никому инъшимъ имъ ни в чомъ кривды чинити (№ 368, 1501); И вы бы ихъ про токазнили по ихъ делом. А иныхъ бы есте шт того оущували, штобы и потом оу нас оу Лоцкѣ корчмы не д(е)ржали. (№ 107, 1444–1459).

Приведенные примеры, на наш взгляд, сходны с примерами с перфектом: если нет эмфазы, вместо местоимения употребляется связка, и таким образом получается форма второго сослагательного наклонения.

Типологической параллелью можно считать форму русского плюсквамперфекта. М. Н. Шевелева указывает на то, что плюсквамперфект можно лишь условно называть сверхсложной формой, потому что «бывшее причастие в живом древнерусском языке уже превратилось в претерит, никакой связки перфекта не существует: в 3-м лице она отсутствует материально, в 1-м и 2-м лице превращается в синтаксический синоним личных местоимений, выражая только значение лица» [Шевелева 2007: 219].

Вернемся к сослагательному наклонению и обратимся к его истории. Образование трехчастных моделей объясняется так: утрата формой **бы** способности обозначать лицо привело к образованию новых форм сослагательного наклонения

в том случае, если отсутствовало личное местоимение. Лицо стало обозначаться формами вспомогательного глагола **быти** настоящего времени [Булыка, Жураўскі, Крамко 1979: 284]. Наше дополнение будет состоять в том, что выбор связки, а не личного местоимения, был обусловлен тем, что связка-энклитика — это нейтральный способ указать лицо и число, тогда как личное местоимение всегда несет дополнительную смысловую нагрузку. В современном польском формы **by-m, by-ś, by, by-śmy, by-ście, by** состоят из частицы и показателя лица-числа: аорист окончательно потерял способность спрягаться и превратился в частицу. Связки утрачивают начальный гласный и примыкают частице. В русской мове также есть подобные формы: они фиксируются уже в Литовском статуте 1588 г. [Miakiszew 2008: 317]. Вимер считает, что полного сращения не произошло, так как в этих комплексах не происходит смещения ударения, однако показатели лица-числа закрепляются за частицей (в том числе когда она входит в состав союза) и не могут перемещаться по клаузе [Вимер 2015]. В восточнославянских языках связки, как и прочие энклитики, исчезают, и остается только **бы** (в том числе в сочетании с союзами) + л-причастие.

При изучении грамот оказалось, что поведение энклитик в целевых придаточных предложениях отличается от того, что было описано выше. Как говорилось в начале данного раздела, все приводимые примеры на употребление второго согласительного наклонения касались лишь 2-го лица обоих чисел. Однако в полоцких грамотах мы обнаруживаем один кажущийся на первый взгляд пример трехчастных форм 1 л. мн. ч.: *А ваша м(и)л(о)стѣ безъ замешканья к тому року будте, **бы** тому дѣлу межѣ и ваше милости и наших конец **есмо** добрыи **бы** знашли* (№ 201, 1471, П).

Интерес вызывает и дублирование **бы** в данной фразе. Чтобы попытаться дать толкование такому расположению энклитик, необходимо обратиться к статусу **бы** (**быхъ, быхомъ**) в целевых клаузах. В независимых предложениях **бы** безусловно является клитикой и подчиняется закону Вакернагеля, в придаточных же цели **бы** либо соединяется с союзом и сохраняет законное второе место: *корол(ь) писалъ, **што бы** тыи ему пѣнази заплачено* (№ 182, 1466); *просимы, **иж бы** ваша м(и)л(о)стѣ ѡ то там оуложилѣся* (№ 204, 1474); либо начинает клаузу: *нам врадѣл, **быхмо** вашимъ рижаном кривды не чинили* (№ 246, 1481), *А мы такеж ради хочем зде за ваши дѣти стоати... **бы** имъ таке заплачено было* (№ 155, 1463).

Данный тип конструкций встречается в одном из древнейших памятников, Свентокшиских проповедей (XIII–XIV вв.) [Ананьева 1994: 252]. В современном польском **by**, начинающее клаузу, выполняет две функции: с одной стороны, оно присоединяет придаточное предложение, выступая в качестве союза, с другой стороны, **by** является частью показателя субъектива. По мнению Б. Вимера, первая функция более поздняя, что связано с изменением поведения энклитики [Вимер 2015]. В современном белорусском языке есть как частица **бы**, так и подчинительный (сравнительный) союз: *Усё пружанела на вуліцы, **бы** ў чаканьні канца сьвету* «Все выглядело на улице так, будто ожидался конец света» (Васіль Быкаў. Афганец (1998))¹¹. Это подтверждает, что превращение **бы** в союз было распространено в данном ареале в условиях близкородственного многоязычия. Таким образом, за-

¹¹ Пример взят из Национального корпуса русского языка (белорусский параллельный корпус). URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 15.12.2018).

нимая начальную позицию клаузы, **бы** и другие лично-числовые формы не могут быть энклитиками.

Рассмотрим еще одну группу примеров:

*И били намъ чоломъ, **абыхмо** вчинили по старому, приказали **быхмо** тебе, абы [так!] абы ты росказывал город Польшескъ рѹбити (№ 209, 1475), просить нас, **быхмо** к ваишѹи м(и)л(о)сти послали рожь, ино ради **быхмо** к вам послали (№ 248, 1482), И бил намъ чолом, **абыхмо** ему призволили тыи земли и шзера в них купити и потвердили **быхмо** то ему нашим листомна вечность (№ 360, 1499), **абыхмо** на то дали ему нашѹ листа а велели **быхмо** ему с того службу панѹцерную служити (№ 421, 1507).*

Здесь, где представлен ряд придаточных, можно отметить то, что в последующей цепочке форма **быхмо** занимает вторую энклитическую позицию во фразе.

Сделаем некоторые выводы о позиции формы **бы** и ее вариантов в полоцких грамотах. В независимых предложениях **бы** является энклитикой, занимая вторую позицию во фразе, лицо и число обозначаются либо личным местоимением, либо связкой (позиции есть только для 2-го лица). В зависимых нецелевых придаточных **бы**, за одним исключением, также является клитикой, образуя комплекс с союзом или союзным словом. В целевых предложениях **бы** и другие формы имеют два варианта расположения: слияние с союзом и, как следствие, второе место в клаузе (*аж бы то было не измешиано* (№16, 1387)) или абсолютное начало клаузы. Начальное **бы** (союзное) может быть полноударной формой, о чем могут свидетельствовать такие примеры из других текстов на русской мове: *пан писар... поведил, бы дей был мне его мл. панѹ Воевода витебский ознаймит рачыл...* (АВАК 16, л. 141 (1582)), приводится по [ГСБМ, 1982]), *реклем е" бы ми дала воды* (Бельск, л. 196, приводится по [Там же]), где к данной форме присоединяются другие энклитики, однако в полоцких грамотах были обнаружены подобные проклитико-энклитические комплексы, о чем шла речь выше. Отметим и то, что формы **by** в сослагательном наклонении (соответственно, и в целевых предложениях) в польском языке, например *Podeszła do mnie i otworzyła usta, **bym** zobaczył, jak w jej gardle powstają dźwięki, które... składają się na język duński* «Она подошла ко мне и открыла рот, чтобы я увидел, как в ее горле возникают звуки, которые... складывались в датский язык» (Bronisław Świdorski, 1998)¹², исследователи рассматривают как сочетание **by** и энклитики, связки 1 л. ед. ч. **-m** [Migdalski 2006; Циммерлинг 2013: 78]. Б.Вимер также отмечает, что **by**, выступающее в качестве союза, — позднее явление. Он объясняет это изменением в поведении энклитики: есть ряд контекстов, где **by** занимает позиции, нехарактерные для энклитики [Вимер 2015].

В древнечешском языке в тексте Далимиловой хроники XIV в. также встречаются придаточные предложения (условные) с формами **by/bych** в начале клаузы. А. В. Циммерлинг делает вывод, что данные формы в целом в этот период не стали строгими энклитиками [Циммерлинг 2015]. В другой работе он предлагает еще одну точку зрения: «В перспективе современного чешского языка такие примеры могут трактоваться и как конструкция с нулевым базисом, т. е. с присоединением клитик к концу предыдущей синтагмы в потоке речи или внутри связного текста» [Циммерлинг 2013: 475].

¹² Пример взят из Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 15.12.2018).

Вернемся к примеру с дублированием **бы**: *А ваша м(и)л(о)сть безъ замешканья к тому року будте, бы тому дѣлу межи и ваше милости и наших // конецъ есмо // добрыи бы нашли* (№ 201, 1471, П). Исходя из вышесказанного, мы можем предположить, что первое **бы** располагается согласно своей союзной функции в начале клаузы и не является энклитикой. Второе же **бы**, энклитическое, вследствие действия ритмико-синтаксических барьеров смещается по фразе вправо. Таким образом, данная фраза не только включает в себя редкую форму второго сослагательно-го наклонения, но и включает в себя два разных **бы**: **бы**-союз и **бы**-частицу.

Выводы

Состав энклитик в полоцких грамотах, написанных на русской мове, в целом схож с тем, что представлен в позднерусских и старорусских текстах [Зализняк 2008; Циммерлинг 2017]. Единственная энклитика, которая прежде не упоминалась, — это частица **пакъ**. Корпус старорусских текстов Национального корпуса русского языка фиксирует 29 вхождений этой частицы в вариантах **пак** и **пакъ**: 2 примера обнаружались в текстах (грамотах) XIV в.; 16 примеров — в текстах XV в., 11 — в текстах XVI в. В указанных примерах частица занимает второе место в клаузе: *и судья в спросил Малги: о чем пак еси ему до сех мест молчал?* (суд Ивана Сумарокова, 1498); *И по грѣхом, г[осподи]не, княз[ь] великии штица моег[о] оубиет или оуморит в натствѣ, или пак б[о]гъ позовет штица моег[о] к собѣ в натствѣ* (Грамота кн. Можайского Ивана Васильевича кн. боровскому Ивану Андреевичу (1461–1462))¹³. Необходимо заметить, что в приведенных в статье примерах из полоцких и старорусских грамот значение **пакъ** отличается: в первом случае она выполняет соединительную функцию (и *шнѣ пак не хочеть ему н(ы)нѣ штидати записи его назадѣ* (№ 106, 1443)), в другом — усилительную (примеры выше). Полагать, что перед нами две разные частицы, нет оснований, что подтверждает их позиция во фразе. Дело лишь в более частотном значении в том или ином случае. Можно провести параллель с частицей **же**, имеющей несколько толкований: в противительном, усилительном и причинном значении, а также в качестве коннектора, частица имеет статус фразовой энклитики и занимает второе место в клаузе, тогда как в отождествительном значении ее место определяется местом «хозяина» [Зализняк 2008: 28–29]. Следовательно, никаких расхождений в составе энклитик в полоцких грамотах и старорусских текстах нет.

Энклитики помещаются во фразе после первой тактовой группы, однако в соответствующем разделе приведены случаи, когда они находятся после первой начальной составляющей. С типологической точки зрения система энклитик в полоцких грамотах примыкает к группе языков с W_2 -В системой [Циммерлинг 2012], где вакарнагелевский порядок сохраняется, но энклитики могут примыкать к неоднословной начальной группе. На наш взгляд, такой порядок можно назвать производным от более древнего порядка W_2 -А (энклитики после первой тактовой группы). Обусловлено это тем, что случаи этих «отклонений» редки (выше приведены все примеры). Отметим, что в западнославянских языках порядок W_2 -В фиксируется в текстах XIV в. [Циммерлинг 2013: 488].

¹³ Примеры взяты из Национального корпуса русского языка, подкорпус старорусских текстов. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.04.2019).

В полоцких грамотах были отмечены случаи следования энклитик после проклитик. Такой порядок допустим в словенском и болгарских языках [Циммерлинг 2013: 384]. Корпус польских текстов демонстрирует такой пример: *hłoraki chyba uważali, że to dobry pomysł, bo się roześmiali* «думаю, ребята думали, что это хорошая идея, потому что улыбнулись» (Mariusz Cieślak «Śmieszni kochankowie») ¹⁴.

Наличие союза **by** в придаточных предложениях имеет очевидные западнославянские параллели. Такой тип **by** на восточнославянской территории не фиксировался.

Таким образом, система энклитик в полоцких грамотах, написанных на русской мове, имела общедревнерусскую основу и сходна со старорусской системой по составу клитик. Однако в системе присутствуют черты, общие с западнославянскими языками. Можно предположить, что полоцкая система энклитик являлась переходной от восточнославянского к западнославянскому типу.

Список сокращений

- АВАК — Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией для разбора древних актов, Вильна, 1865–1915.
Бельск. — «Хроника» М. Бельскаго пачатка XVII ст.
Калист I — Евангелие учительное. Евангелие учительное албо казаня на каждую неделю и свята уроцисты, през всятого нашего отца Калиста, 1616.

Словари и источники

- NKJP — Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 15.12.2018).
ГСБМ 1982 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Жураўскі А. І. (ред.) Т. 1 Мінск: Навука і тэхніка, 1982. 295 с.
ГСБМ 2003 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Жураўскі А. І. (ред.) Т. 23. Мінск: Беларуская навука, 2003. 448 с.
НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscgrora.ru> (дата обращения: 24.04.2019).
Полоцкие грамоты 2015 — Полоцкие грамоты XIII — начала XVI в. Хорошкевич А. Л. (ред.) Том 1. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 864 с.
СРЯ XI–XVII 1988 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Шмелев Д. Н. (ред.) Т. 14. М.: Наука, 1988. 311 с.

Литература

- Ананьева 1994 — Ананьева Н. Е. *История и диалектология польского языка*. М.: Изд-во МГУ, 1994. 301 с.
Арполенко и др. 1983 — Арполенко Г. П., Грищенко А. П., Німчук В. В. *Історія української мови: Синтаксис*. Киев: Наукова думка, 1983. 501 с.
Бромлей и др. 2005 — Бромлей С. В., Булатова Л. Н., Гецова О. Г. и др. *Русская диалектология*. Л. Л. Касаткин (ред.). М.: Академия, 2005. 288 с.
Булыка, Жураўскі, Крамко 1979 — Булыка А. М., Жураўскі А. І., Крамко І. І. *Гістарычная марфалогія беларускай мовы*. Мінск: Навука і тэхніка, 1979. 328 с.

¹⁴ Пример взят из Narodowy Korpus Języka Polskiego. URL: <http://nkjp.pl/> (дата обращения: 24.14.2019).

- Валова 2016 — Валова Е. А. *Позиционные свойства энклитических частиц: корпусное и экспериментальное исследование на примере частицы «же»*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2016. 218 с.
- Вимер 2015 — Вимер Б. Между наклонением и фоссилизацией: о многоликой судьбе клитики бы. В кн.: *U prostoru lingvističke slavistike: Zbornik naučnih radova. Povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera*. Београд: Филолошки факултет. 2015. С. 189–224
- Дойкина 2017 — Дойкина К. Ю. *История системы энклитик (по материалам духовных и договорных грамот XIV–XVI вв.)*. Дис. ... магистра. МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 2017. 145 с.
- Жураўскі 1988 — Жураўскі А. І. *Мова беларускай пісьменнасці XIV–XVIII стст.* Мінск: Навука і тэхніка, 1988. 319 с.
- Зализняк 2004 — Зализняк А. А. *Древненовгородский диалект*. 2-е изд. М.: Языки славянских культур, 2004. 879 с.
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. *Древнерусские энклитики*. М.: Языки славянских культур, 2008. 281 с.
- Лазар 2011 — Лазар М. Эвиденциальная частица де(и) и другие эвиденциальные частицы в истории русского языка. *Русский язык в научном освещении*. 2011, 22 (2): 116–138.
- Павловић 2011 — Павловић С. Дистрибуција енклитика у старосрпским повељама и писмима XII и XIII в. В кн.: *Зборник Матице српске за филологију и лингвистику*. 2011, 54 (2): 31–52.
- Сичинава 2012 — Сичинава Д. В. Частицы «было» и «бывало» в русском языке XVIII века. В кн.: *Русский язык в научном освещении*. 2012, 2 (24): 257–284.
- Сичинава 2014 — Сичинава Д. В. Акцентуация глагола быть в русском стихе. В кн.: *Корпусный анализ русского стиха*. Плунгян В. А., Шестакова Л. Л. (ред.). Вып. 2. М.: Азбуковник, 2014. С. 48–74.
- Темчинас 2012 — Темчинас С. Ю. О времени и условиях становления русской мовы в качестве литературного языка. В сб.: *Материалы V Міжнароднага конгреса беларусістаў*. Минск, 20–21 мая 2010 года. Ред. Запрудскі С. М., Цыхун Г. А. Минск: Четыре четверти, 2012. С. 47–53.
- Толстая 1991 — Толстая М. Н. Система энклитик в сербских грамотах XIV — нач. XV века. В кн.: *Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо*. Конференция. Тезисы докладов. М.: Институт славяноведения и балканистики, 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 — Толстая М. Н. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении. В кн.: *Балто-славянские исследования, 1998–1999*. Вып. 14. М.: Индрик, 2000. С. 134–143.
- Толстая 2012 — Толстая М. Н. Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе. *Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура*. Т. 2. Плотникова А. А. (отв. ред.). М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 190–211.
- Успенский 1983 — Успенский Б. А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. В сб.: *IX Международный съезд славистов*. Доклады. М.: Изд-во МГУ, 1983. С. 144.
- Ушинскене 2018 — Ушинскене В. Актовая книга Трокского замкового суда (1660–1661) на фоне правовой коммуникации Великого княжества Литовского. *Slavistica vilnensis*. 2018, 63: 107–128.
- Циммерлинг 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте. *Вопросы языкознания*. 2012, 4: 3–38.
- Циммерлинг 2013 — Циммерлинг А. В. *Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте*. М.: Языки славянских культур, 2013. 544 с.
- Циммерлинг 2015 — Циммерлинг А. В. Клитики и информационная структура высказывания в древнечешском языке. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Серия: Филологические науки*. 2015, 1: 74–95.
- Циммерлинг 2017 — Циммерлинг А. В. Система клитик позднерусского и старорусского периода. В кн.: *Презентация к докладу на конференции «Осенние чтения проблемной группы “Логический анализ языка”. “Маленькие” слова*. Институт языкознания РАН, Москва, 1 декабря 2017 г. URL: http://www.academia.edu/35347600/Late_Old_Russian_clitics.pdf (дата обращения: 23.04.2019).
- Шевелева 2007 — Шевелева М. Н. Русский плюсквамперфект в древнерусских памятниках и современных говорах. *Русский язык в научном освещении*. 2007, 2 (14): 214–252.

- Bošković 2001 — Bošković Ž. *On the nature of the syntax-phonology interface: Cliticization and related phenomena*. Amsterdam: Elsevier. 2001. 328 p.
- Franks and King 2000 — Steven F., King T. *A handbook of Slavic clitics*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 403 p.
- Miakiszew 2008 — Miakiszew W. *Язык Литовского Статута 1588 года*. Kraków: Lexis 2008. 717 с.
- Migdalski 2006 — Migdalski K. *The Syntax of Compound Tenses in Slavic*. Tilburg: LOT, 2006. 322 p.
- Progovač 1996 — Progovač L. Clitics in Serbian / Croatian: Comp as the second position. In: *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Halpern A., Zwicky A. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 1996. P. 411–428.
- Schütze 1994 — Schütze C. T. Serbo-Croatian Second Position Clitic Placement and the Phonology-Syntax Interface. In: *MIT Working Papers in Linguistics 21, Papers on phonology and morphology*, 1994: 373–473.
- Stang 1935 — Stang Chr. S. *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.
- Wiemer 2010 — Wiemer B. Hearsay in European languages. Toward an integrative account of grammatical and lexical marking. In: *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Diewald, Gabriele; Smirnova, Elena (eds.): Berlin; New York: 2010. 59–129 pp.
- Zimmerling and Kosta 2013 — Zimmerling A. and Kosta P. Slavic Clitics: a Typology. In: *Language Typology and Universals (STUF)*. 2013, 66: 178–214.
- Zimmerling 2012 — Zimmerling A. V. A unified analysis of clitic clusters in world's languages. In: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»* (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18): в 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 726–738

Статья поступила в редакцию 28 января 2019 г.

Статья рекомендована в печать 15 мая 2019 г.

Doikina Kseniia Yur'evna

Vinogradov Russian language Institute Russian Academy of sciences,
18/2, ul. Volhonka, Moscow, 119019, Russia
kseniya.doikina@mail.ru

Some peculiarities of enclitic system in Polotsk charts

For citation: Doikina K. Yu. Some peculiarities of enclitic system in Polotsk charts. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2019, 16 (3): 400–419.

<https://doi.org/10.21638/spbu09.2019.305> (In Russian)

The article is devoted to the enclitic system in Polotsk charts of the 13th — 16th centuries. They were written in «russka mova», i.e. the language of the Grand Duchy of Lithuania. The three major issues discussed in the paper are the set of enclitics, the clitic placement in the phrase, and the position of the conjunctive and conditional enclitic **бы**. The set of enclitics consists of old particles (**же**, **ли**), pronoun enclitics and perfect auxiliaries. Also, it includes new enclitics, namely the particles **деи**, **таки**, **накъ**. The conclusion about their nature is based on their second position in the phrase. Moreover, these particles can occupy the position before the other Wackernagel's clitics in cluster. The pluperfect forms **было**, **была** are placed in the phrase according to Wackernagel's law. Also, we suppose the dative plural **имъ** to be an enclitic. As for the placement of the enclitic cluster, in Polotsk charts enclitics may adjunct to a group consisting of two or more words. The same word order exists in other Slavic languages. It has been discovered that **бы** as a part of subjunctive mood was not a second position clitic because it had an extra function as a conjunction. Additionally, the paper discusses the Old Russian second conditional mood with auxiliaries replacing personal pronouns to avoid redundant emphasis.

Keywords: enclitics, enclitic cluster, conditional mood, Wackernagel's law, Polotsk charts.

References

- Ананьева 1994 — Anan'eva N. E. *History and dialectology of Polish language*. Moscow: Moscow State University Press, 1994. 301 p. (In Russian)
- Арполенко и др. 1983 — Arpolenko G. P., Grishchenko A. P., Nimchuk V. V. *History of Ukrainian language: Syntax*. Kiev: Scientific thought Publ., 1983. 501 p. (In Ukrainian)
- Бромлей и др., 2005 — Bromlei S. V., Bulatova I. N., Getsova O. G. *Russian Dialectology*. Kasatkin L. L. (ed.). Moscow: Academia Publ., 2005. 288 p. (In Russian)
- Булыка, Жураўскі, Крамко 1979 — Bulyka A. M., Zhuraŭski A. I., Kramko I. I. *Historical morphology of Belorussian language*. Minsk: Science and Technology Publ., 1979. 328 p. (In Belorussian)
- Валова 2016 — Valova E. A. *Position characteristics of enclitic particles: corpus and experimental research of particle 'zhe'*. PhD thesis (Philology). High School of Economic, 2016. 218 p. (In Russian)
- Вимер 2015 — Vimer B. Between mood and fossilization: on the multi-faceted fate of the clitic «by». In: *Inside the space of linguistic Slavistics: works of scientific works. Papers in Honor of Predrag Piper on the Occasion of His 65th Birthday*. Belgrade: Faculty of philology, 2015. P. 189–224. (In Russian)
- Дойкина 2017 — Doikina K. Iu. *History of enclitic system with testaments and treaties of princes 14th — 16th centuries*. MA thesis, Moscow State University. 2017. 148 p. (In Russian)
- Жураўскі 1988 — Zhuraŭski A. I. *Language of Belorussian writing of 16th — 18th centuries*. Minsk: Science and Technology Publ., 1988. 319 p. (in Belorussian)
- Зализняк 2004 — Zalizniak A. A. *Old Novgorod dialect*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ., 2004. 879 p. (In Russian)
- Зализняк 2008 — Zalizniak A. A. *Old Russian enclitics*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ., 2008. 281 p. (In Russian)
- Лазар 2011 — Lazar M. Evidential particle de(i) and other evidential particles in history of Russian. *Russian Language and Linguistic Theory*. 2011, 22 (2): 116–138. (In Russian)
- Павловић 2011 — Pavlović S. The placement of enclitics in old serbian documents of the 12th and 13th century. *Matica serbska. Philology and linguistic*. 2011, 54/2: 31–52. (In Serbian)
- Сичинава 2012 — Sichinava D. V. The particles 'bylo' and 'byvalo' in eighteenth-century Russian. *Russian language in scientific coverage*. 2012, 2 (24): 257–284. (In Russian)
- Сичинава 2014 — Sichinava D. V. Accentuation of verb byti in Russian verse. In: *Corpus analysis of Russian verse*. Plungian V. A., Shestakova L. L. (eds.). Iss. 2. Moscow: Azbukovnik Publ., 2014. P. 48–74. (In Russian)
- Темчинас 2012 — Temchinass S. Yu. The time and conditions of the formation of Ruska mova as a literary language. In: *Materials of V International Congress of Belarusian studies*. Zaprudski S. M., Tsykhun G. A. (ed.). Minsk, 20–21 may 2010. Minsk: Four quarters publ 2012. 47–53 pp.
- Толстая 1991 — Tolstaia M. N. Enclitic system in Serbian Charts of 14th — 15th centuries. In: *Conference «Slavistics, Indo-Europe, Nostratika. On the 60th anniversary of V. Dybo»*. Abstracts. Moscow: Institute of Slavonic and Balkan Studies Publ., 1991. P. 201–205. (In Russian)
- Толстая 2000 — Tolstaia M. N. Form of the pluperfect in the Transcarpathian Ukrainian dialects: the place of the auxiliary verb in the sentence. In: *Baltic Slavic Research*. Vol. 14. Moscow: Indrik. P. 134–143. (In Russian)
- Толстая 2012 — Tolstaia M. N. Carpathian Ukrainian enclitics in the South Slavic perspective. In: *Karpatobalkanski dialektnyi landshaft: iazyk i kultura*. Vol. 2. Plotnikova A. A. (ed.). Moscow: Institute of Slavic Studies of Russian Academy of Science Publ., 2012. P. 190–211. (In Russian)
- Успенский 1983 — Uspenskii B. The language situation in Kiev Russia and its importance for the history of the Russian literary language (in Russian)]. *10th International Congress of Slavists*. Reports. Moscow: MSU publ. 1983. 144 p.
- Ушинскене 2018 — Ushinskine V. [Trakai Castle Court Acts of 1660–1661 in the Context of the Legal Communication of the Grand Duchy of Lithuania] In: *Slavistica vilnensis*. 2018, 63: 107–128.
- Циммерлинг 2013 — Zimmerling A. V. *Word order systems of the Slavic languages in the typological aspect*. Moscow: Languages of Slavic Cultures Publ., 2013. 544 p. (In Russian)

- Циммерлинг 2015 — Zimmerling A. V. Clitics and informational structure of utterance in Old Czech language. *Bulletin of the Sholokhov Moscow State University for the Humanities. Series Philology*. 2015, 1: 74–95. (In Russian)
- Циммерлинг 2017 — Zimmerling A. V. *Clitic system of the Late Old Russian and Old Russian period*. Presentation for the report at «The autumn conference of research group “Logical analysis of language”. “Short words”». Institute of linguistics of Russian Academy of Science, (Moscow, 1th of December 2017). URL: http://www.academia.edu/35347600/Late_Old_Russian_clitics.pdf (access date: 23.04.2019). (In Russian)
- Шевелева 2007 — Sheveleva M. N. Russian pluperfect in ancient Russian monuments and modern dialects. *Russian language in scientific coverage*. 2007, 2 (14): 214–252. (In Russian)
- Bošković 2001 — Bošković Ž *On the nature of the syntax-phonology interface: Cliticization and related phenomena*. Amsterdam: Elsevier publ. 2001. 328 p.
- Franks and King 2000 — Steven F., King T. *A handbook of Slavic clitics*. Oxford: Oxford University Press, 2000. 403 p.
- Miakiszew 2008 — Miakiszew W. *Language of the Lithuanian Statute of 1588*. Kraków: Lexis Publ., 2008. 717 p. (In Russian)
- Migdalski 2006 — Migdalski K. *The Syntax of Compound Tenses in Slavic*. Tilburg: LOT, 2006. 322 p.
- Progovač 1996 — Progovač L. Clitics in Serbian / Croatian: Comp as the second position. In: *Approaching second: Second position clitics and related phenomena*. Halpern A., Zwicky A. (eds.). Stanford (CA): CSLI Publications, 1996. P.411–428.
- Schütze 1994 — Schütze C. T. Serbo-Croatian Second Position Clitic Placement and the Phonology-Syntax Interface. In: *MIT Working Papers in Linguistics 21, Papers on phonology and morphology*, 1994: 373–473.
- Stang 1935 — Stang Chr. S. *Die westrussische Kanzleisprache des Großfürstentums Litauen*. Oslo, 1935.
- Wiemer 2010 — Wiemer B. Hearsay in European languages. Toward an integrative account of grammatical and lexical marking. *Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages*. Diewald, Gabriele; Smirnova, Elena (eds.). Berlin; New York: 2010. P.9–129.
- Zimmerling and Kosta 2013 — Zimmerling A. and Kosta P. Slavic Clitics: a Typology. *Language Typology and Universals (STUF)*. 2013, 66: 178–214.
- Zimmerling 2012 — Zimmerling A. V. A unified analysis of clitic clusters in world's languages. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 30 — June 3, 2012)*. Iss. 11 (18): In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Russian State University for the Humanities Press, 2012. P.726–738

Received: January 28, 2019

Accepted: May 15, 2019